

Виталий Молчанов

У речки памяти моей...

Кепка

Тулья—блин без единого клина,
Козырёк заслонил пол-лица.
Сказку, пахнущую нафталином,
Вынимаю из кепки отца.
Пусть сгоревшие годы, как спички,
Ветер осени сдул на асфальт,
Вряд ли возраст забудет привычки
И остудит ребячий азарт
Пробежать со всех ног вдоль перрона
И запрыгнуть в случайный вагон,
Занавеску по нити капрона
Сдвинуть вбок и увидеть, как сон,
Возвращенье чудесное в детство,
Я бы лучше придумать не смог:
Вот к столу пододвинуто кресло,
Светит лампа, и чистый листок—
Мальчик пишет заветные строки,
Процитировать их не боюсь
После краха великой эпохи:
«Я люблю мой Советский Союз!»

Затаившись на дне антресолей,
Постаревшая кепка отца
Вся скукожилась, словно от боли,
Шепчет сказку одну без конца
О стране, всех любимей и краше,
Перестройки развеявшей дым,
Цельной, мощной, без пафосной фальши,
Где отец ожил вдруг молодым,
Набекрень сдвинул кепку привычно
И пошёл нефть искать по земле.
Слово «Ленин» крылато и зычно
Мчится к Марсу в космической мгле,
И к врагам не ушла Украина,
Олигархов исчез подлый класс,
Пасть войны, отнимающей сына,
Не дотянется больше до нас.
Мальчик пишет заветные строки,
Процитировать их не боюсь
После краха великой эпохи:
«Я люблю мой Советский Союз!»

Кепка, кепочка... Горше потеря
С каждым годом, сгоревшим дотла.
Поезд прошлого мчится сквозь время,
Окна—словно в себя зеркала.
Промелькнули берёзы и ели,
Полустанки, стада на лугу...
Ту страну, что мы все проглядели,
Никогда я забыть не смогу.
Кочегар, наполняй щедро топку,
Угольками пусть вспыхнет вина.
Кепку старую спрячу в коробку,
Где отцовские спят ордена.
У надежды нет времени скрыться
И взлететь за мечтой в облака,
Просто верю, что всё повторится
И вернётся на кру́ги, пока
Мальчик старый вновь выпишет строки,
Процитировать их не боюсь
После краха великой эпохи:
«Я люблю мой Советский Союз!»

Л. П. Сковородко

Уходит к Богу книжный человек,
Перелистнув последнюю страницу,—
Крылом как будто взмахивает птица
И в небе растворяется навек.
Игрушечными предстают дома
Пред зорким взглядом облачных скитальцев.
Заботу и тепло волшебных пальцев
Хранят на полках толстые тома.
Мне близок и далёк твой мир теперь:
Ты—вечность, а людские жизни—миги.
Мне кажется, что ты по зову книги
Лишь отошла, не закрывая дверь.
В чертогах Бога книжный человек.

Свиристель

С. Н. Хомутову

Скоро тополиные метели
Позабавят снегом детвору.
На рябину сели свиристели,
Наклевались ягод не к добру.

Пьяный сок под кожицей таится,
Горечь послезимняя сладка,
И летит земля навстречу птице,
Отражая в лужах облака.

Гулкий стук, поломанное тело...
В свиристея превратился ты,
Мой приятель, и шагнул несмело
С недоступной птичьей высоты.

Отуманен хмелем, одурманен.
Облака, застывшие в глазах,
Горним светом попрощались с нами,
Был живой, крылатый, ныне — прах.

Дочек не порадуют метели
Тополиным снегом поутру.
Как же мы, приятель, проглядели
Ягоды, опасные нутру?

В сладости — лишь горе расставанья,
Земляная на века постель.
Гроздь рябины принесла страданья
Всем, тебя любившим, свиристель.

Косички

Порхают бантики, как птички, —
То вверх, то вниз, чаруя взгляд.
Они на веточках-косичках
Сидеть спокойно не хотят.

Зеленоглазая девчонка
Стремглав бежит, не чуя ног,
И на бегу хохочет звонко,
Взметая вверх речной песок.

Она смешна, рыжеволоса,
Нам вместе нет и тридцати,
Вот сиганула вниз с откоса,
Вот речку хочет перейти.

Я — птицелов довольно юный,
Зато стремителен в броске:
Наискосок утюжу дюны,
Косичку чувствуя в руке.

Ещё чуть-чуть — поймаю птичку,
Осталось только поднажать...
Не схватишь счастье за косичку,
Схватив — не сможешь удержать.

Перевернёт судьба странички
От юных лет до наших дней.
Порхают бантики, как птички,
У речки памяти моей.